

Час Свинь. Спальня императрицы во Дворце Фанфэй.

За стеклянными окнами кружились в танце белые цапли, но сама императрица Су Синь чувствовала себя не в силах вынести даже вес птичьего пера.

Внутри погруженного в полумрак огромного зала в воздухе парящие бесчисленные бумажные талисманы образовывали сложнейший и необъятный Массив Аккумуляции Духа.

В самом центре массива Су Синь лежала на ложе, раскинув по подушке рассыпавшиеся серебром снега волосы. Ее хрупкая шея утопала в мягком изголовье, казалось, дунь — и она сломается. И хотя весь дворец был пропитан целительной силой Массива Аккумуляции Духа, тело Су Синь по-прежнему пробирал леденящий холод, и даже дыхание, казалось, могло оборваться в любую секунду.

Фэн Чунхуа тихо вошел внутрь и без остатка передал чистейшую первородную духовную силу в тело Су Синь.

Это был ритуал, который он обязан был совершать каждый день — спасение и в то же время оковы, заключенные с ней на сто лет.

Но любой видел: даже исчерпай Фэн Чунхуа всю свою жизнь культивации, он мог лишь удерживать в Су Синь последнюю искру жизни.

И подобное полуживое существование было вовсе не тем, чего желала сама Су Синь.

— Довольно, — Су Синь опустила ресницы, казалось, готовая рассыпаться в прах в любой момент. — Я слышала, Си Хэ покинула дворец?

Фэн Чунхуа кивнул и долго молча смотрел на Су Синь.

Су Синь подняла голову, и от этого движения, казалось, ушли последние силы всей ее жизни:

— Она еще ребенок, ты не должен был возлагать на нее столь тяжелое бремя. Разве ты не знаешь, сколько опасностей поджидает ее за стенами дворца?

— Я знаю, — Фэн Чунхуа мягко обнял Су Синь. — Си Хэ одарена свыше, ее боевые искусства уже достигли высшего мастерства, и в этом мире у нее мало равных. Аринь, можешь быть спокойна.

Прижавшись к его руке, Су Синь тяжело перевела дыхание и лишь тогда набралась чуть-чуть сил:

— Мир огромен, талантливых мудрецов и искусных мастеров не счесть, к тому же человеческие сердца коварны — предсказать все невозможно. Если рядом не будет стражи, как я могу быть спокойна...

Фэн Чунхуа на мгновение умолк:

— Си Хэ с детства горда и никогда не терпела рядом со стражей тех, кто уступает ей. Лишь Цань Сяо отобрала и воспитала она сама, и та защитит ее в любых обстоятельствах. Дети императорского рода не могут вечно наслаждаться почестями, не принося ничего взамен. Если она не научится просчитывать каждый шаг среди испытаний, то как сможет вершить великие дела?

— Но я хочу лишь одного — чтобы она прожила жизнь в безопасности и не несла на плечах эту необъятную империю, — Су Синь нахмурилась, в ее глазах блеснула чистая влага.

Фэн Чунхуа крепче прижал ее к себе, согревая, и в глубине его глаз мелькнула нежность:

— Аринь не нужно нести империю на своих плечах, потому что я — твоя опора. Но Си Хэ... наша плоть и кровь. Если она не возьмет на себя великое дело, под силу лишь истинному наследнику, то спустя сто лет Небесную Династию Цяньюань ждет лишь угасание.

— Наследник... у нас ведь был наследник... — Су Синь всхлипнула, прижала руку к груди и согнулась в приступе кашля, словно изнурительная и невыносимая скрытая болезнь вновь медленно давала о себе знать. — Мне кажется, я чувствую его — так близко, совсем близко. Впервые за двадцать лет у меня такое сильное предчувствие, и сердце так болит. Он наверняка где-то неподалеку от меня, и даже если меня обратят в прах, я хочу увидеть, хорош ли он... Хоть раз взглянуть...

Это было ее единственным желанием за двадцать лет жизни полумертвого создания.

Боль в груди усилилась, Су Синь задрожала всем телом и в отчаянии впилась ногтями в грудь, словно желая вырвать собственное сердце, лишь бы унять эту тоску.

— Хорошо, я обещаю тебе, что непременно найду его, — голос Фэн Чунхуа осип. Он легко коснулся шеи Су Синь, погружая ее в сон, а затем ранил кончик пальца и, используя кровь как проводник, принялся восстанавливать парящие в воздухе талисманы один за другим.

Багрянец паутиной оплел весь Дворец Фанфэй, отражая хаос и ожесточение в онемевшем сердце Фэн Чунхуа.

Боль была вызвана тем, что именем любви он отдал все силы на защиту, но лишь причинил Су Синь столько невыносимых страданий.

Двадцать лет раздирающей сердце боли полуживого существования.

Какое же это жестокое мучение.

И это был его грех!

Двадцать лет назад...

Внезапный ливневый дождь не прекращался долгими месяцами.

Густой серый туман кружился над Городом Наньюань, давя так, что не хватало воздуха. Бурная непогода не могла разогнать эту пелену, похожую на глаза зловещего демона из тьмы, который неотрывно следил за уготованной жертвой, готовый в любой момент пожрать ее.

Срочные доклады о бедствиях из всех провинций росли горами, и Фэн Чунхуа, разрываясь между тронным залом и кабинетом, почти забыл о течении времени.

Порыв бешеного ветра ворвался внутрь, задул пламя на столе и разбудил заснувшего над бумагами Фэн Чунхуа.

В тот же миг раздался встревоженный и дрожащий голос стражника:

— Ваше Величество, из Императорской Медицинской Палаты весть: у императрицы преждевременные роды...

Мощный порыв отбросил стражника в сторону, мелькнула тень, и в кабинете уже не было и следа Фэн Чунхуа. Скрип открывающихся и закрывающихся дверей казался зловещим предзнаменованием.

В покоях императрицы царили паника и хаос. Прислуга полностью утратила привычную выучку, огромные окровавленные куски ткани летели в тазы с кипятком, взамен выносились новые.

Увидев Святого Императора, служанка споткнулась, опрокинув целый таз алой воды на пол, и принялась безудержно стучать лбом о плиты, моля о пощаде.

Кровь растекалась точно цветы на берегу реки забвения, и сердце Фэн Чунхуа рухнуло на дно бездны. Забыв о предрассудках насчет того, что мужчине не подобает присутствовать при родах, он взмахнул рукавом и сорвал полог, отделявший его от императрицы Су Синь.

В тот миг он рухнул в ледяной ад, и эта боль врезалась в память на всю жизнь.

Обширные лужи крови залили все ложе.

Су Синь лежала в багровой воде, бледная как смерть. Ее пальцы, словно когти хищной птицы, судорожно вцепились в грудь, разрывая плоть до крови, будто она пыталась вырвать наружу собственное сердце.

Это море крови струилось не из-за тяжелых родов — оно фонтаном била прямо из ее сердца.

Никто не знал, почему человек способен источать столько крови.

Суевившиеся служанки оцепенели от ужаса, повиснув на полу, а повитухи полностью растерялись. В этот момент никто не знал, как поступить.

Фэн Чунхуа перехватил руки Су Синь и начал непрерывно вливать чистейшую духовную силу в ее тело.

Шло время, и на его волевом лице впервые проступили растерянность и паника.

Даже тогда, когда на Горе Бэйсяо он в одиночку сражался с десятками тысяч врагов и был с ног до головы покрыт ранами, удерживаемый на ногах лишь тончайшей нитью веры, Фэн Чунхуа не испытывал ни страха, ни паники — уверенность всегда сияла на его лице.

Но теперь неведомый прежде ужас подступил к горлу и отступал не желая.

У Фэн Чунхуа не было ни ответов, ни уверенности, а густой запах крови лишь сильнее мутил рассудок и сеял хаос в мыслях.

Он даже не успевал поразмыслить о причинах и следствиях происходящего.

Служанки и повитухи дрожали всем телом, припав к земле; каждая знала: если императрица скончается, их всех предадут казни. Святой Император был решительным и безжалостным правителем, чьим мечом былинно срублены мириады душ, а простые служанки и повитухи в его глазах стояли меньше пылинки — одним взмахом рукава он мог стереть их в прах.

Им оставалось лишь молить небеса о спасении императрицы.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем к Су Синь вернулось подобие сознания. Она дрожащим пальцем потянулась вперед, словно пытаясь что-то схватить или просто взглянуть на миг, ее бледные губы зашевелились, но, истощив последние силы, она так и не смогла издать ни звука.

Детский плач прорезал тяжелую, удушливую тишину.

Услышав этот крик, лекарь пришел в себя, в ужасе подхватил младенца в пеленках и рухнул на колени у ног Фэн Чунхуа:

— Милостью Вашего Величества, маленький принц родился благословенным... изъязнов нет. Но...

Стоило младенцу приблизиться, как Су Синь вновь забилась в страшных судорогах. Она сжала руки на груди, словно внутри ее тела змеилось что-то невыносимо жгучее, причиняя нестерпимую муку, заставляя изо всех сил раздирать сердце.

Алая кровь хлынула с новой силой.

Фэн Чунхуа влил в нее еще одну волну мощной духовной энергии и яростно рявкнул одно слово:

— Говори!

Затаив дыхание, лекарь затрясся всем телом:

— Докладываю Вашему Величеству, хотя у императрицы преждевременные роды, это не осложненные роды. Преждевременное появление на свет обычно влечет лишь врожденную слабость ребенка, которую можно исправить последующим уходом, и само по себе не истощает силы роженицы. Однако едва ребенок отделился от материнского тела, как в сердце императрицы словно вонзились иглы, к тому же с чудовищной силой... будто ее одержимы злые духи. Ваш покорный слуга ничтожен, ибо не распознал недуг вовремя и не смог помешать императрице пытаться вырвать собственное сердце и сгореть изнутри...

Фэн Чунхуа яростно спросил:

— Что значит вырвать сердце и сгореть изнутри?

Лекарь ответил:

— В детстве, путешествуя соучителем, я видел одну запретную книгу. В ней описывалось заклинание под названием Проклятие Разлученных Сердец. Жизнь матери и ребенка неразрывно связана: при разделении сердец тело матери пытается вырвать орган и сгореть. Это крайне злобная магия, которой подвергаются лишь беременные женщины. Как только проклятие срабатывает, роды начинаются раньше срока. Если новорожденный выживает, сердце матери испытывает мучения, подобные терзанию тысяч муравьев — боль, невыносимую для простого смертного. К тому же заклинание вызывает судороги в сердце самого ребенка, обрекая его на пожизненный запрет постигать боевые искусства, подобно калеке, если только

мать не вырежет и не сожжет собственное сердце, чтобы прекратить страдания дитя. Состояние императрицы сейчас... точь-в-точь повторяет симптомы Проклятия Разлученных Сердец, словно она пыталась спасти ребенка ценой собственной жизни...

Фэн Чунхуа чеканил каждое слово:

— Как его снять?

— Я... я... — лекарь уткнулся лицом в пол, и пот градом катился с него.

Мощная духовная энергия непрерывно вливалась в тело Су Синь, пока низкий голос Фэн Чунхуа громом обрушился сверху:

— Говори. Не скажешь — отправишься на плаху.

Лекарь вздрогнул всем телом и дрожащим голосом выдал:

— Способа снять его нет... Раз сердца разлучены, выжить может кто-то один: либо императрица, либо наследник. Чтобы прекратить муки императрицы, ребенок не должен выжить. А если ребенок должен жить и развиваться как обычный ребенок, постигая боевые искусства и грамоту, то императрица... — он не осмелился продолжить.

Вырезать сердце и сжечь его дотла.

Любой из исходов грозил казнью до девятого колена.

Вспышка молнии разорвала небо, пламя свечей во дворец затрепетало, а дождь за окном забарабанил по стенам с еще большей яростью.

Воздух стал леденяще тихим, и лишь жалобный плач младенца нарушал непрерывный шум ливня.

Фэн Чунхуа посмотрел на единственного ребенка в пеленках и перевел взгляд на повитуху:

— Императрица носила двойню. Где второй ребенок?

Стоило ему произнести это, как все присутствующие захотели тотчас умереть.

Едва принц родился, как императрица впала в безумие и принялась терзать свое сердце, и в этом ужасе все совершенно потеряли голову — кто мог вспомнить о втором ребенке во чреве.

Повитуха уже дрожала, как осиновый лист на ветру:

— Он еще не родился... императрица лишилась сил, и младенец не мог выйти...

Живот Су Синь был совершенно плоским. Фэн Чунхуа ввел внутрь духовную силу, но не уловил ни единого признака жизни, отчего его лицо помрачнело еще сильнее.

Лекарь поспешно произнес:

— Раз так, если не извлечь ребенка из чрева императрицы немедленно, он задохнется, и тогда погибнут оба. Ваше Величество, в таких обстоятельствах не существует двойного решения! Ради сохранения императорской крови императрица должна... Вашего Величества милостиво прошу принять решение и позволить мне рассечь живот ради спасения ребенка...

Как ни крути, Су Синь была обречена на смерть.

Су Синь являлась кроткой и доброй женщиной, и узнай она, что ее жизнь спасает двоих детей, она бы наверняка обрадовалась.

Но Фэн Чунхуа не мог потерять ее!

— Нет!

Громкий крик Фэн Чунхуа расколол тишину. Накинув на Су Синь чистый плащ, он подхватил ее на руки и бросился вон из дворца.

В ту дождливую ночь в покоях императрицы, помимо младенца в пеленках, не выжил никто.

Огромный защитный купол развернулся над ними, отсекая хлещущие потоки воды.

Фэн Чунхуа зашагал по длинным ступеням вверх, направляясь к самой вершине Небесной Столицы.

Воспоминания вихрем проносились в голове.

Он помнил, как в самый первый раз увидел Су Синь — ему показалось, что он сразу разгадал улыбку на ее лице.

То была улыбка женщины, наконец нашедшей пристанище в этой жизни, узнавшей, что больше не придется скитаться по свету и что лучшие годы она проведет рядом с тем, кто разделит с ней путь.

Словно они разделяли тысячелетия невзгод лишь ради этого мгновения первой встречи.

В тот момент он решил защищать ее всю свою жизнь.

Сердце Фэн Чунхуа снова заняло: каждая из девяти ступеней отдавалась в груди уколом иглы.

Он вспомнил слова того человека на Небесной Столице.

— Ты впрямь намерен жениться на ней и сделать ее своей женой?

— Тогда я преподнесу ей подарок.

— Это мой последний дар тебе за возведенную тобой Небесную Столицу.

Эти слова полоснули клинком, вскрывая тщательно запрятанные воспоминания Фэн Чунхуа.

Между ними двумя: от сражавшихся плечом к плечу родственных душ до преданных долгу государя и подданного — в конце концов осталось лишь чувство признательности, долга и воздаяния. Не более того.

Фэн Чунхуа поднялся по высоким ступеням. Площадка переливалась всеми цветами радуги, олицетворяя роскошь процветающей эпохи.

То была пышная Небесная Столица, возведенная им для того человека в знак небывалых заслуг и великих свершений.

Между ним и тем человеком лежало расстояние в девять ступеней: каждый шаг сокращал путь, но сердца казались разделенными мирами.

Тот человек ждал его, скрытый за пеленой поднимающегося пара, молча наблюдая за приближением Фэн Чунхуа.

Все, что он так решительно пытался забыть, о чем запрещал себе даже думать, всколыхнулось единым мигом, подобно опрокинутой чаше горького чая, затопляя душу. Он невольно согнулся, прижав руку к саднящей груди.

Вокруг царила мертвая тишина.

Фэн Чунхуа твердо встал на вершине площадки и тоже посмотрел на него.

Этот миг показался одновременно лишь мгновением и бесконечностью длиною в жизнь.

Достаточно долгой, чтобы кипящая в его жилах кровь остыла до состояния пепла.

— Зачем ты наложил на нее Проклятие Разлученных Сердец?

В его вопросе звучали гордость, дерзость, амбиции владыки этого мира и непревзойденное величие, свойственное лишь истинным правителям.

Не было лишь ни капли тепла.

Тот человек резко вскинул голову, и лицо его мгновенно побелело как мел.

Он старел — старел на глазах, в одно мгновение прибавив десяток лет.

— Это дар, пожалованный ей богами. Разве он тебе не по душе?

По душе?

Фэн Чунхуа медленно сжал руки в кулаки, сделал резкий шаг вперед и чеканил каждое слово:

— Зачем... ты... это... сделал?

Зачем так поступать с ней? Были обиды — шел бы на него самого, зачем калечить ни в чем не повинную женщину?

Глаза того человека, когда он смотрел на Фэн Чунхуа, были холодными и равнодушными.

Неповинную? Разве кто-то связанный с ним мог оставаться неповинным?

Словно они были чужаками друг другу:

— Хочешь спасти ее? Тогда убей меня. Как только я умру, Проклятие Разлученных Сердец рассеется само собой.

Холод и отчуждение вновь заставили сердце Фэн Чунхуа болезненно сжаться.

Боль пришла откуда-то извне, неведомо почему.

— Ты думаешь, я не осмелюсь убить тебя?

Чистый драконий звон — и с тихим шорохом клинок рассек воздух, остановившись в дюйме от лица того человека.

Тот человек протянул руку, перехватил лезвие и на миг замер.

А затем на его губах появилась улыбка.

Неужели теперь он действительно поднимет на него руку?

Подобная свирепому дракону жажда убийства обрушилась сверху, закружившись гигантским смерчем и заключая их обоих в кольцо.

Дождь наконец стих, оставив лишь пелену тумана на небесах.

Вся вода в радиусе десяти чжанов под натиском ци убийства Фэн Чунхуа превратилась в туман небесно-голубого оттенка, напоминающий бесконечную заброшенную синеву небес. Медленно сгущаясь, он поглощал всё вокруг.

Танк человек раскинул руки, позволяя туманной тени поглотить себя, а в глубине его глаз мелькнула искра наслаждения.

Это наслаждение было настолько чистым, что Фэн Чунхуа даже не успел возмутиться.

Все накопленные обиды и гнев вдруг рассыпались в прах от этой улыбки. Словно давным-давно между ними существовали неразрывные узы.

Каждый удар в прошлом наносился не для того, чтобы ранить его, а чтобы защитить.

Воспоминания были столь глубоки, что Фэн Чунхуа не смог бы забыть их до конца своих дней.

Сердце Фэн Чунхуа снова пронзила боль, и он резко отдернул руку.

Неукротимая жажда убийства мгновенно обратилась в извивающегося дракона, который, прочертив черту вдоль прядей того человека, сокрушительно обрушился на каменное сиденье, вмиг расколов многопудовый камень пополам.

В конце концов, он все равно не мог убить его!

Дождь падал бесшумно.

— Наша связь на этом окончена, — Фэн Чунхуа пристально взгляделся в того человека, в его глазах стоял пронизывающий до костей холод. — А моего человека я никому не позволю забрать у меня.

— Мы с тобой не встретимся вновь во веки веков.

Чеканные слова Фэн Чунхуа прозвучали зловещим пророчеством, и он больше не оглядывался на прошлое, оставшееся наверху.

Подобно дурному заклинанию, прилетевшему из глубин непогоды, эти слова заставили того человека ощутить легкий озноб.

Неужели он и впрямь оступился?

Какими прекрасными были те дни, когда они вдвоем, с мечами наперевес, странствовали по миру, искореняя зло и защищая слабых.

А позже тот сказал, что намерен основать империю и положить конец этому израненному миру — именно это станет его великим делом и его Поднебесной, лишь так он сможет защитить тех, кого хочет оберегать.

И тогда он стал его военным советником, разрабатывающим стратегии в тылу и обеспечивающим победу за тысячи ли.

Когда процветающая Небесная Столица была построена, он с радостью стоял на высоком помосте, мечтая обозревать мир вместе с ним, но услышал в ответ, что этой стране нужна законная императрица для продолжения рода, дабы династия передавалась из века в век.

В день свадьбы ликовала вся Поднебесная.

Он растерялся, чувствуя лишь одно: тем человеком, которого должны были защищать, был он сам.

Он наложил на тело императрицы запретное заклинание: пока их союз оставался лишь показухой ради приличия, проклятие никогда бы не пробудилось.

Но он предал его.

Приняв на себя десятикратную отдачу запретного заклинания, он мгновенно состарился, а

волосы его поседали.

Так вот какова она, боль?

Он вдруг запрокинул голову и рассмеялся — безудержно, до хрипоты, до надрыва.

<http://bllate.org/book/21826/2260530>